

**ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗА ПРЕСТУПНИКА В ЛИТЕРАТУРНОМ
ПРОЕКТЕ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭРАСТА ФАНДОРИНА»
БОРИСА АКУНИНА**

В последнее время детективщик Борис Акунин все реже балует читателей своими литературными произведениями. Так, последний роман автора, «Весь мир театр», вышел в свет 22 декабря 2009 года, и вот уже почти два года поклонники приключений Эраста Фандорина и его предков – потомков ждут продолжения. Подобное длительное затишье, с одной стороны, привело к некоторому ослаблению читательского интереса к произведениям Бориса Акунина, но, с другой, наблюдается неослабевающий интерес к его творчеству со стороны украинских литературоведов: Н.Н. Валуевой, Т.В. Надозирной, Г.Д. Чивликлий. В центре внимания исследователей литературы находились различные аспекты детективных произведений Б. Акунина, в частности связь произведений с классической английской традицией [12], пушкинские корни в литературном цикле «Приключения Эраста Фандорина» [16], а также жанровая принадлежность детективных романов Б. Акунина [15]. В той или иной степени в каждой литературно-критической статье присутствует характеристика образов как главного героя литературного цикла, так и его антагонистов, однако до сих пор литературоведами не предпринимались попытки вывести типологию образов преступников в литературном проекте «Приключения Эраста Фандорина». В данной статье автором и предпринимается попытка классифицировать главных «злодеев» этого цикла.

В работе «История упадка и разрушения детективного романа» С. Моэм указывает, что «деньги, страх и месть – вот, пожалуй, самые достоверные мотивы убийства, которыми может воспользоваться автор детективного романа» [14, 131]. Нам представляется возможным предположить, что именно эти мотивы характеризуют классический английский детектив, представленный романами А. Кристи, А. Конан Дойла и др. Однако справедливо ли это в отношении русского детективного романа, представленного произведениями литературного цикла «Приключения Эраста Фандорина» Бориса Акунина?

На данный момент этот литературный проект насчитывает 11 романов и 2 повести (а также сборник рассказов). Во всех романах цикла речь идет об убийстве – одном из самых тяжких преступлений. Для большинства детективных произведений убийство является характерным преступлением. С.С. ван Дайн в своих «Двадцати правилах для писания детективных романов» указывает, что «Без трупа в детективном романе просто не обойтись, и чем натуралистичней этот труп, тем лучше. Только убийство делает роман достаточно интересным. Кто бы стал с волнением читать три сотни страниц, если бы речь шла о преступлении менее серьезном! В конце концов, читатель должен быть вознагражден за беспокойство и потраченную энергию» [14, 39].

Соответственно, Борис Акунин и строит свои детективные романы по данной модели.

В романе «Азазель» речь идет о тайной организации, стремящейся контролировать весь мир. Главным преступником оказывается леди Маргарет Эстер – содержательница интернатов для детей-сирот по всему миру. Удивительная особенность этой женщины состояла в том, что в каждом своем воспитаннике она видела личность, обладавшую скрытым талантом, ключик к которому она и находила. «Я могу спасти не горстку сирот, я могу спасти человечество. Пусть не при жизни. Пусть через двадцать, тридцать, пятьдесят лет после моей смерти. Это мое призвание, это моя миссия» [1, 196] – подобным образом леди Эстер аттестует Эрасту Фандорину свое предназначение. С одной стороны, она помогает сиротам, оказавшимся без помощи и поддержки, с другой, стремится влиять на общественное развитие всего мира, тем самым контролируя и направляя его. Несмотря на то, что мировое господство предполагает жесткий естественный отбор, в ходе которого погибают слабые, леди упорно идет к своей цели. «Я искренне сожалею о каждой из потерянных жизней. Но нельзя вычистить Авгиевы конюшни, не замаравшись» [1, 198].

Нам представляется возможным предположить, что в романе «Азазель» Борис Акунин, с одной стороны, реконструирует теорию Родиона Раскольникова о «твари дрожащей» и личности, которая «имеет право» ради великих задач мирового масштаба пойти на преступление. Право имеющая личность, достигнув максимума в различных сферах общественной жизни, уничтожает все на своем пути к великой цели. С ее позиции ради счастья большинства возможно пойти на определенные человеческие жертвы. Однако, с другой стороны, в романе препарирована и теория Ивана Карамазова о возможности создать «здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой» [13, 295] ценой слезинки ребенка. Борис Акунин в романе двойко реализует этот символический образ Достоевского: в интересах леди Маргарет Эстер гибнут невинные люди (просматривается аналогия с невинностью ребенка), в то же время страдают дети-сироты, которых баронесса взяла на попечение: «Фандорин увидел двух мальчуганов лет восьми-девяти в оборванных синих мундирчиках. Они потерянно сидели среди нищих и пели тонкими голосами что-то жалостное» [1, 209].

Борцом за идею, совершающим преступления по совести, выступает и герой романа «Турецкий гамбит» Анвар-эфенди, «дитя леди Эстер»: «Я вижу спасение не в революции, а в эволюции. Только эволюцию следует выводить на верное направление, ей нужно помогать. <...> Надо помочь силам разума и терпимости взять верх, иначе Землю в скором будущем ждут тяжкие и ненужные потрясения» [11, 193]. Людские потери новоиспеченный Дарвин объясняет так: «Я – акушер, я помогаю младенцу появиться на свет, и руки у меня по локоть в крови и слизи...» [11, 197].

Следовательно, как и в романах Ф.М. Достоевского, преступление в «Азазеле» и «Турецком гамбите» мотивировано идеологически: леди Эстер и Анвар-эфенди стремились к высокой цели простыми человеческими способами. В некоторых случаях им приходилось убивать, чтобы скрыть какую-либо информацию или избежать разоблачения. Так, Анвар-эфенди убил подполковника Казанзаки, графа Зурова и английского журналиста Шеймаса Маклафлина. Но и в этом случае убийца следующим образом мотивирует совершенные преступления: «Обмануть или убить друга – тяжкое испытание, но иногда приходится переступить и через это» [11, 193], поскольку цель оправдывает средства. И в этом случае убийство сопряжено с высокой идеей.

Еще одним идейным убийцей является герой повести «Декоратор» сторож Пахоменко (бывший студент-медик Соцкий). «Уже в детстве я знал, что я особенный, не такой, как все. <...> Одного я не выносил – некрасоты, я видел в ней оскорбление Божьего труда, уродство же и вовсе приводило меня в бешенство» [8, 307]. Во время идейного суда над преступником «прокурор» Фандорин обвинил Пахоменко в том, что «Он только по видимости человек, а на самом деле в нем нет главного человеческого отличья. Нет той невидимой струны, которая живет и звучит в душе самого закоренелого злодея. <...> Он ни в чем не раскаивается» [8, 310]. В отличие от героев «Азазеля» и «Турецкого гамбита» идея «Декоратора» направлена не на достижение человеческого счастья в мировых масштабах, а на реализацию собственной теории промысла Божьего. Борис Акунин не акцентирует внимание на религиозном мировоззрении леди Эстер и Анвара-эфенди, однако при детальном рассмотрении обоих произведений можно прийти к выводу, что оба героя имплицитно отождествляют себя с Богом, стремясь вершить судьбами людей. В отношении Пахоменко этот принцип не работает. «Декоратор» – глубоко верующий человек, стремящийся, с одной стороны, подобно архангелу Михаилу, ратоборствовать за славу Творца. Но, с другой, он скорее индивидуалист, обиженный на людей за то, что они его не поняли и отвергли. Поэтому Соцкий и становится сторожем Пахоменко, который наблюдает за развитием событий, находясь в тени. Он незаметный герой, «самый невероятный персонаж», во всем участвует, но не находится в центре внимания.

В отличие от незаметного сторожа Глеб Георгиевич Пожарский, герой романа «Статский советник», любил находиться в центре внимания. Он, как и Родион Раскольников, был подвержен комплексу наполеонизма: «Я – человек, который может спасти Россию. Потому что я умен, смел и лишен сантиментов» [10, 270]. Однако Пожарский стремится к славе, его амбиции были направлены на собственное возвышение по карьерной лестнице. Это карьерист – единоличник, идущий по трупам ради достижения собственных целей. Борис Акунин противопоставляет ему террориста-идеалиста Грина. «Тупость и злоба мира требовали ответного действия, и Грин знал, что выбора у него нет» [10, 46]. «Нужны люди, согласные взять на себя роль спички, которая, сгорев, даст начало большому огню. <...> Грин соглашался стать спичкой и сгореть» [10,

42]. Он боролся против несправедливости методами, которые на тот момент были наиболее действенными.

Следующим идейным преступником у Бориса Акунина является Жорж Девяткин, герой романа «Весь мир театр». На первый взгляд, идеалы его понятны: «В мире нет ничего кроме искусства. Оно единственное, ради чего стоит жить и умирать» [3, 337]. Создается впечатление, что автор изображает трагическую личность, которую не поняли и не оценили окружающие. Однако в ходе повествования становится понятно: «Трагикомичный Жорж Девяткин – свихнувшийся от артистического честолюбия горе-режиссер. Это прообраз злодея нового типа. Они не удовольствуются одним театром в качестве модели бытия; они захотят весь мир превратить в гигантскую сцену, ставить на ней пьесы своего сочинения, отвести человечеству роль послушной массовки, а коли спектакль провалится – погибнуть вместе с вселенским Театром» [3, 347]. Тем не менее, в романе автор как-будто противоречит сам себе и одному из правил классического детектива о том, что преступник должен быть наказан. Убийца Жорж Девяткин «отделяется» простым заключением в клинику. В повести «Декоратор» Борис Акунин не был столь либерален в отношении идеалиста Соцкого, как не пощадил он и Просперо (Сергея Иринарховича Благовольского), который утверждал, что «на свете ты – один, вся Вселенная – в тебе, а стало быть, ты и есть Бог. Захочешь – Вселенная будет жить. Не захочешь – она погибнет, со всем, что ее составляет» [7, 236].

В литературном проекте «Приключения Эраста Фандорин» Борис Акунин сталкивает восточную и европейскую культуру и философию. Эраст Петрович представляет собой образ японского самурая, увлекающегося конфуцианством. Соответственно, для сравнения автором реализуется и образ японского убийцы-идеолога. В стране восходящего солнца сыщику приходится столкнуться с преступником, который, в отличие от классического злодея, является образом амбивалентным. Традиционно преступником в детективе движет либо личный расчет, либо желание скрыть следы предыдущего преступления. Классический французский и русский детектив рассматривают также образ морально неустойчивой личности, совершившей преступление под давлением обстоятельств. Она не всегда раскаивается в содеянном и желает его искупить, однако в основном ею руководствуют благородные мотивы, которые могут быть оправданы. Идеология же японского дзёнина (достигшего высшего уровня посвящения по системе нинзя) амбивалентна по той причине, что ее нельзя однозначно аттестовать, поскольку «Мир состоит из Света и Тьмы, из Добра и Зла. Тот, кто придерживается одного Добра, несвободен, похож на путника, осмеливающегося путешествовать только среди бела дня, или на корабль, умеющий плыть лишь при попутном ветре. Истинно силен и свободен тот, кто не боится бродить по темной чаше ночью. Темная чаша – это мир во всей его полноте, это человеческая душа во всей ее противоречивости» [2, 706]. Идейным сторонником и продолжателем дела японца Тамбы является и сын

Фандорина Василий Александрович Рыбников, который предпочел ритуальное самоубийство позору суда.

Однако не все преступники в литературном цикле «Приключения Эраста Фандорина» являются идейными убийцами. В нескольких произведениях преступник руководствуется скорее корыстными мотивами, чем идейными убеждениями. Так, в романе «Левиафан» ради призрачных сокровищ Изумрудного Раджи женщина отправила на тот свет десять человек. «Беззащитная, слабая, раздавленная ударом судьбы овечка словно по мановению волшебной палочки превратилась в волчицу» [5, 224], когда речь зашла о пятидесяти миллионах фунтов. Подобная метаморфоза происходит и с мадемуазель Деклик, которая становится кровожадным и беспощадным доктором Линдом, когда речь заходит о драгоценностях, особенно фамильных реликвиях дома Романовых. Примечательно, что в отношении женского пола автор проявляет некоторую дискриминацию, поскольку самыми жестокими и хладнокровными убийцами в литературном цикле являются именно женщины, при чем мотивы их остаются исключительно корыстными. Поэтому проделки мошенников Момуса и Мими (повесть «Пиковый валет») на этом фоне кажутся невинными детскими шалостями.

Идеология и корысть не ограничивают перечень основных мотивов преступлений в романах Бориса Акунина: движущей силой некоторых убийц является любовь. Так, городской Будников констатирует: « – Так ведь, ваше высокородие, любовь, <...> – Она не спрашивает. Кого ангелом сделает, а кого чертом. Да по мне хоть самим Сатаной, только бы моя она была ...» [6, 276]. Кроме того, все люди доктора Линда готовы были пойти за него на любое преступление, поскольку это была «шайка вымогателей и убийц, в которой царствовала любовь. Все люди Линда были влюблены в него ... в нее, каждый на свой лад» [4, 339]. Подобное чувство позволило убийцам оправдать в собственных глазах смерти невинных женщин и детей. Даже наемный убийца Ахимас Вельде, «профессионал высшей категории» [9, 265], в этом отношении кажется невинной жертвой обстоятельств, благородным убийцей, который просто выполняет свою работу.

Таким образом, нам представляется возможным выделить три основные модели преступников, реализованные в литературном проекте «Приключения Эраста Фандорина»: идейный убийца, корыстный убийца и влюбленный убийца. Поскольку основным преступлением в цикле является убийство, автор стремится уйти от обыкновенных бытовых происшествий, и в основном концентрируется на масштабных преступлениях, которые могут повлечь за собой мировой диссонанс. Поэтому приоритетным в большинстве произведений является идейный убийца, который стремится к кардинальным мировым переменам. В отличие от идейного убийцы корыстный убийца и влюбленный убийца локальны, поскольку их интересы замыкаются на собственной личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акунин Б. Азазель: [роман] / Борис Акунин. – М.: Захаров, 2002. – 240 с.
2. Акунин Б. Алмазная колесница: [роман] / Борис Акунин. – М.: Захаров, 2004. – 720 с.
3. Акунин Б. Весь мир театр: [роман] / Борис Акунин. – М.: Захаров, 2010. – 432 с.
4. Акунин Б. Коронация: [роман] / Борис Акунин. – М.: Захаров, 2001. – 350 с.
5. Акунин Б. Левиафан: [роман] / Борис Акунин. – М.: Захаров, 2001. – 240 с.
6. Акунин Б. Любовник Смерти: [роман] / Борис Акунин. – М.: Захаров, 2002. – 302 с.
7. Акунин Б. Любовница Смерти: [роман] / Борис Акунин. – М.: Захаров, 2001. – 256 с.
8. Акунин Б. Особые поручения: [повести] / Борис Акунин. – М.: Захаров, 2002. – 320 с.
9. Акунин Б. Смерть Ахиллеса: [роман] / Борис Акунин. – М.: Захаров, 2001. – 318 с.
10. Акунин Б. Статский советник: [роман] / Борис Акунин. – М.: Захаров, 2001. – 288 с.
11. Акунин Б. Турецкий гамбит: [роман] / Борис Акунин. – М.: Захаров, 2002. – 224 с.
12. Валуева Н.Н. Классическое наследие и «Фандоринский цикл» романов Б. Акунина / Наталья Николаевна Валуева // Литература в контексте культуры. – 2005. – Выпуск 15. – С. 25-31.
13. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: в 2-х тт. / Федор Михайлович Достоевский. – М.: Советская Россия, 1987 – Т.2. – 1987. – 480 с.
14. Как сделать детектив / [пер. с англ., франц., нем., исп. послесл. Г. Анджапаридзе]. – М.: Радуга, 1990. – 320 с.
15. Надозирная Т.В. «Весь мир театр» Б. Акунина: литература для взыскательного читателя или чтение? / Т.В. Надозирная // Вестник ХНУ. Серия Филология. – 2010. – №901. – Выпуск №59. – С.127-132.
16. Чивликлий Г.Д. Пушкинский код «японского» романа» Б. Акунина / Г.Д. Чивликлий // Актуальні проблеми слов'янської філології: міжвузівський збірник наукових статей. Лінгвістика і літературознавство. – 2006. – Вип. 11. – Ч. 2. – С.493-498.

АНОТАЦІЯ

Рижченко О.С. Типологія образу злочинця в літературному проекті «Пригоди Ераста Фандоріна» Бориса Акуніна

У статті робиться спроба класифікації злочинців в літературному проекті "Пригоди Ераста Фандоріна" Бориса Акуніна. Основний злочин в цьому циклі – вбивство, у зв'язку з чим автор реалізує три моделі злочинців: ідейний вбивця,

корисливий вбивця і закоханий вбивця. Відмінною особливістю детективів Бориса Акуніна є масштабність злочину, що вказує на пріоритетне використання ідейного вбивці.

Ключові слова: мотив злочину, злочинець.

АННОТАЦИЯ

Рижченко О.С. Типология образа преступника в литературном проекте «Приключения Эраста Фандорина» Бориса Акунина

В статье предпринимается попытка классификации преступников в литературном проекте «Приключения Эраста Фандорина» Бориса Акунина. Основное преступление в данном цикле – убийство, в связи с чем автор реализует три модели преступников: идейный убийца, корыстный убийца и влюбленный убийца. Отличительной особенностью детективов Бориса Акунина является масштабность преступления, что указывает на приоритетное использование идейного убийцы.

Ключевые слова: мотив преступления, преступник.

SUMMARY

Ryzhchenko O. The typology of the criminal character in the literary project "The Adventures of Erast Fandorin"

The article deals with the attempt of classification of criminals in the literary project "The Adventures of Erast Fandorin" by Boris Akunin. The basic crime in this cyclus is murder, in this connection the author realizes three models of criminals: an ideological killer, a mercenary killer and a killer in love. The distinctive feature of detectives by Boris Akunin is a scale of crime, that specifies the priority use of an ideological killer.

Key words: criminal, motive of crime.